

ВАДИМ ТАРАСЕНКО

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

16+

Вадим Тарасенко

Автомобильный детектив

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тарасенко В. В.

Автомобильный детектив / В. В. Тарасенко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Профессор Канарейкин, физик по профессии и страстный автолюбитель в душе, расследует детективные истории, связанные с автомобилями. Книга написана в форме сборника рассказов, в каждом из которых читателю вместе с профессором Канарейкиным необходимо разгадать загадку – вывести на чистую воду мошенника, доказать невиновность человека, вернуть сбежавшую девушку домой и т.д. Ответы на загадки можно посмотреть на последней странице книги.

Содержание

Звонок в Грецию	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Для обложки использовались бесплатные фото:

<https://pixabay.com/ru/vectors/автомобиль-красный-драйвер-160343/>

<https://pixabay.com/ru/photos/кс-полицейский-коллеги-смешной-1016218/>

Однажды в парке

Солнце медленно, словно изнемогая от собственного жара, вскарабкалось на самую вершину небосвода и оттуда с новыми силами набросилось на Землю, нещадно испепеляя ее своими лучами. Середина июля. Полдень. Город N.

Профессор Кузьма Кузьмич Канарейкин припарковал свою новую «беху» пятой серии у входа в парк.

«И черт меня дернул назначить встречу именно на это время», – сморщившись, словно от зубной боли, профессор вылез из прохладного стараниями кондиционера, салона и зашел в парк. Солнечные лучи тут же обрушились на новую жертву.

«Нет, точно черт дернул. Сейчас бы сидел в своем кабинете, и потягивал не спеша ледяной апельсиновый сок», – Кузьме Кузьмичу живо представилась запотевшая бутылочка сока на верхней полке холодильника в его кабинете. Видение было настолько ярким, что он невольно протянул руку вперед. Но вместе вожденной прохлады его рука ощутила рукопожатие чьей-то горячей и влажной руки.

– Здравствуйте. Кузьма Кузьмич.

– А... здравствуйте, Петя, – желтая жидкость в бутылке с красочной этикеткой трансформировалась в молодого человека в желтой шведке с ярким лейблом на левой стороне.

– Прошу, – молодой человек кивнул на столик, примостившийся в самом углу летнего кафе под спасительной тенью шатра.

Петя Уфимцев учился в университете на физическом факультете, где профессор Канарейкин раз в неделю читал лекции по квантовой физике. Кузьма Кузьмич сразу заметил неординарные способности Пети и стал давать задания, далеко выходящие за рамки университетского курса. Результатом этого натаскивания стала работа, которую написал молодой человек и которую они собрались сейчас обсуждать. Пригласить же Петю к себе в кабинет, Кузьма Кузьмич не мог, так как его кабинет располагался в одном хитром и наглухо засекреченном институте.

– Что ж, Петя, работу я Вашу прочел. Очень интересная работа. Но с некоторыми выводами я согласиться не могу.

– Очевидно, Вы не согласны с моей мыслью о дискретности поля сильных взаимодействий вблизи поверхности кварков? – Петя грудью навалился на легкий пластмассовый столик. – Но тогда как Вы объясните столь сильное рассеивание Кларков около ядра мишени? Что это, как не дискретность поля?

– Стакан апельсинового сока, пожалуйста, – Канарейкин улыбнулся девушке-официантке. Копна ярко-рыжих волос водопадом спадала на обнаженные плечи, обремененные лишь тонкими бретельками, держащими легкий топ.

– И мне, пожалуйста.

– Апельсинового нет, есть мультивитаминный.

– Давайте мультивитаминный, – взгляд профессора невольно уперся в золотую цепочку на шее девушки и также невольно он попытался скользнуть за ней вниз, во влажную и душную ложбинку между грудей, но был безжалостно отброшен материей топа, – только похолодней, пожалуйста, – вздохнул Канарейкин.

– А рассеивание кварков можно объяснить, например тем, что спин кварков имеет....

– О, нет, спин кварков тут не причем.

Кузьма Кузьмич удивленно поднял взгляд. На месте официантки стоял мужчина лет сорока в белоснежной шведке, на его шее был повязан синий галстук, прихваченный к шведке широкой заколкой с крупным красным камнем посередине.

– При столь сильных столкновениях с мишенью спин кварков роли не играет. Это, как у вас говорят, что слону дробинка, – в голосе незнакомца слышался едва уловимый английский акцент.

– Позвольте... кто Вы такой?!

– Профессор Эшли, Чикагский университет, – в руках Кузьма Кузьмича и Пети неожиданно очутились прямоугольники плотной белоснежной бумаги, на которых было напечатано:

Michael Eshli.

Professor

Chicago university.

Tel. (708) 456-8735

Call. (708) 543-6788

Fax. (708) 456-6754

– Профессор Эшли? Это Вы недавно опубликовали статью в «Physical review» о спине кварков?

Подошедший мужчина скромно улыбнулся.

– Как неожиданно... здесь... в этом кафе, – Кузьма Кузьмич был явно растерян. Он взглянул в глаза нового собеседника и словно утонул в их черной бездне. Инстинктивно, как человек, отшатывающийся от пропасти, он отпрянул взглядом вниз и уперся в сверкающую на солнце заколку с полыхающим красным камнем в центре.

– Я вчера прилетел с частным визитом.

– А Вы неплохо говорите по-русски, – вмешался в разговор студент Петя.

– О, моя бабушка родом из Одессы и сумела заставить внука выучить язык ее родины. Я как раз завтра собираюсь туда лететь. Пройдусь по Дерibasовской, спущусь по Потемкинской лестницы, подержусь за ствол платана... Кстати, относительно неожиданности. Я вскоре опубликую статью, где обосную, что помимо таких квантовых чисел кварков, как красота, очарование...

– Странность, – автоматически добавил Кузьма Кузьмич.

– Да, и конечно же странность, – улыбнувшись, согласился Эшли, – следует ввести еще одно квантовое число. Я его назову неожиданность.

– Неожиданность... – пробормотал русский профессор, – его взгляд неотрывно смотрел на полыхающий красный камень на груди собеседника.

– Ваш сок.

Канарейкин схватил свой стакан сока и жадно сделал глубокий глоток.

– Черт, даже охладить, как следует, не могут, – донесся до него голос Пети.

– А при чем тут черт? Обычная человеческая нерадивость, – Эшли зевнул. – Простите, никак не могу адаптироваться. Восемь часов разницы. А в Америке, между прочим, этой нерадивости тоже хватает. Ехал я примерно полгода назад со своего ранчо в Чикаго. А строители через дорогу, по которой я ехал, проложили какую-то свою трубу. И что Вы думаете, моя БМВ в том месте провалилась! Асфальт просел.

– У Вас БМВ?

– Да, седьмой серии, удлиненный вариант. Не люблю американские машины, предпочитаю им европейские.

«Странно, а я не заметил даже, как он сел», – Кузьма Кузьмич не мог отвести взгляд от красного камня, который будто сверкал еще сильнее, словно разгораясь.

– Позвонил в аварийную службу, – донеслись до него слова американца. – Те сказали, что будут только через час. А у меня через сорок минут назначена важная встреча. Задние колеса по самые арки ушли под землю, давлю на газ, передние только скользят по асфальту. Не хватает им сцепления, чтобы вытащить машину. Что делать? Но выкрутился! Недаром у меня бабка из Одессы! Проезжала мимо милая дама на «Мерседесе».

– На буксир взяла? – подал реплику Петя.

– Ну, разве Мерседес А-класса вытащить седьмую БМВ, – Эшли улыбнулся Пети. – Нет, она дала свой домкрат. И я двумя домкратами, своим и ее, вывесил зад своей машины, сел за руль и плавно вдавил педаль газа. Зад машины ничего уже не держало, передние колеса проскальзывали перестали и я выскочил из ямы, – американец гордо улыбнулся. – Только домкраты погнул, когда с них соскочил. Ну ничего, я такой иск строительной компании всучил, что для них они вышли золотыми.

«Молодец парень, не растерялся. Поступил, как настоящий русский», – какая-то тревога легкой тенью напознала на профессора Канарейкина.

– Кстати о машинах. Мы, как я понял, из вашего разговора, коллеги, – американец вопросительно посмотрел на Кузьму Кузьмича.

– Ох, простите, не представился. Канарейкин Кузьма Кузьмич, доктор физико-математических наук, профессор.

– Кузьма Кузьмич, Вы или Ваш молодой человек, случайно не на машине.

– На машине, – Канарейкин взглянул в глаза Эшли и тут же утонул в его взгляде.

– Не могли бы Вы ее мне на час одолжить. Не успеваю. А завтра самолет в Одессу.

– Могу... конечно, – словно в тумане, барахтаясь в бездне глаз собеседника, русский профессор протянул американцу ключи от машины. – Я покажу Вам, где она стоит.

Преодолевая головокружение, он шел рядом с Эшли по парку, где-то сзади плелся Петя.

– Вот она, – Кузьма Кузьмич кивнул на серебристую свою немецкую «пятерку».

– Еще раз спасибо, профессор, – американец улыбнулся ему, еще глубже загоняя Канарейкина в бездну своих глаз.

Словно в тумане Кузьма Кузьмич сделал шаг, другой...

Оглушительный рев автомобильного сигнала, визг резины, крик выскочившего водителя огромной фуры: «Б...ь, ты че, старый пень, жить надоело!»

«Свои», – вспыхнуло в голове у профессора.

– Задержите его, он мошенник и хочет украсть у меня машину, – и он в беспмятстве повалился на чьи-то крепкие руки...

– А Вы молодец, профессор, такого матерого мошенника задержали. Самого Заславского! – майор полиции даже побряхтывал от удовольствия. – Сколько он автомобилей угнал. Не счесть! Тактика у него интересная. Выбирал будущую жертву с дорогим автомобилем, изучал его образ жизни, работу, хобби. Потом раз, три слова скажет, посмотрит на жертву и все, та делает все, что ей он скажет. Сильнейший гипнотизер! А Вы не поддались, Кузьма Кузьмич! Жаль, что только солнечный удар получили.

– Просто я понял, что он лжет. И весь его гипноз тут же перестал действовать на меня. Дело в том, что...

Вопрос:

Как профессор Канарейкин понял, что человек, выдававший себя за профессора Эшли, лжет?

Ответ читайте на последней странице книги

Звонок в Грецию

Яркое, по-весеннему веселое солнце висело в голубом, словно тончайший голубой шифон небе, делая мир радостней и счастливей.

«Эх, сейчас бы бросить все эти дела, все эти мезоны и лямда-гипероны и махнуть куда-нибудь в Грецию. Любоваться Парфеноном, бродить среди его развалин и балдеть от мысли, что по этим самым камням бродил любитель женщин и вина, веселый, дважды женатый Сократ и хмурый женоненавистник-гей, учитель Александра Македонского Аристотель, – Кузьма Кузьмич сладко потянулся у раскрытого окна и вздохнул. Вместо Греции его ждал институт, а вместо Парфенона еще более загадочный и непонятный мир элементарных частиц.

Через сорок минут, проделав все необходимые утренние процедуры, включая ненавистный холодный душ и бритье четырехлезвенным «жилетом» («а я-яй, а еще профессор, доктор физико-математических наук, а повелся на такую дешевую рекламу – четыре лезвия бреют безукоризненно, хотя понятно, что и двух вполне достаточно, а остальные просто издеваются над кожей за твои же деньги»), приятно пахнувший дорогим французским одеколоном, директор института физических проблем быстрым шагом спускался по лестнице. На крыльце подъезда он увидел Марию Ивановну, соседку с пятого этажа, несколько раз затапливающую его квартиру и познакомившую Кузьма Кузьмича с таким восхитительным зрелищем, как падающие капли воды с только что отремонтированного потолка на только что отциклеванный и вскрытый лаком паркет.

По щекам соседки катались слезы, живо напомнившие профессору два катаклизма, которые он пережил.

– Марь Ивановна, что случилось?

– Доч... дочка... дочь сбежала!! – и одиночные слезы превратились в бурный поток, как совсем недавно в квартире Канарейкина, когда вода, преодолев хилое сопротивление гидроизоляции, наконец, вырвалась на оперативный простор.

К слову сказать, все два потопа местного значения устраивала не Мария Ивановна, а ее дочь Наташа, семнадцатилетнее современное, сто семидесяти пяти сантиметровое дитя, из которых сто пятьдесят приходилось на ноги, взиравшее на увлекательный мир своими огромными голубыми глазами.

«Все, потопа прекратились. Натяжной потолок делать не нужно», – мелькнуло в умной голове профессора, а его язык между тем произнес:

– Что значит сбежала?

– Уехала с каким-то парнем в Грецию!!

«Везет же некоторым!»

– Что, насовсем? – Кузьма Кузьмич и сам откровенно не знал, спросил это он с надеждой или сочувствую соседке, все еще весьма привлекательной тридцатипятилетней женщине.

– Не знаю, – всхлипывала соседка, – а вдруг этот парень ее там в какой-нибудь бордель продаст? Что тогда? А-а-а, – всхлипывания перешли в рёв.

– Обратитесь в полицию.

– Обращалась. Они сказали, раз совершеннолетняя и уехала добровольно, они уголовное дело возбуждать не будут.

– А откуда Вы знаете, что она уехала добровольно?

– Она мне письмо написала, а-а-а, – чуть было успокоившаяся Марь Ивановна, вновь брызнула слезами на бетонный пол крыльца.

– А можно мне прочесть это письмо?

«Ну зачем я в это лезу? Мне что, своих забот мало? Вон, никак по моим уравнениям лямбда-бетта-минус-гиперон не желает распадаться за пять пикосекунд, а должен».

– Конечно, конечно, Кузьма Кузьмич. Вот держите, – женщина судорожно порылась в своей ярко-красной небольшой сумочке и протянула Канарейкину сложенный вчетверо лист бумаги, сложенный вчетверо.

– Помогите, Кузьма Кузьмич. У меня осталась одна надежда на Вас, – в глазах женщины читалась мольба.

«Ох, уж эти детки. То квартиры чужие заливают, то в Грецию с парнями от матерей сбегают», – профессор осторожно развернул листок бумаги.

«Мамочка извени, – рукой, больше привыкшей к косметическому карандашу, чем к письменному, было написано на бумаге, – Мы с моим очень хорошим другом решили поехать в Грецию. Пожалуста меня не ищи, – буквы неровно прыгали вверх-вниз по строчке.

«Наверное, писала на ходу, когда ехала в машине.

«Через несколько часов я улетаю, – продолжало скакать по бумаге.

«Точно паршивка писала, пока ехала в машине в аэропорт. Другого времени для письма для матери у нее не хватило».

– Как Вы получили это письмо?

– По почте пришло.

«По дороге бросила в почтовый ящик», – Канарейкин продолжил чтение письма.

Буквы неожиданно подравнялись и перестали походить на клинопись не совсем трезвого древнеавилонского жреца.

«Мне с ним будет хорошо. Мы любим друг друга».

Дальше буквы вновь пошли вскачь: «Мой друг обеспеченный человек. У него есть шикарная машина, он хорошо зарабатывает».

Дочь на целый лист извинялась перед матерью, убеждала, что у нее все будет хорошо и просила ее не искать, перемежая написанные вкось и вкривь строчки с клиновидными буквами с вполне благопристойными почерком. Последняя строка со скачущими буквами: «Прости меня мамочка прости» едва влезла на листок.

– У Вас есть предположения, кто мог увести Вашу дочь. Тут она пишет, что она уехала с хорошим другом. Но, как я понимаю, хорошие друзья мгновенно не появляются, – Канарейкин аккуратно сложил листок бумаги и отдал соседке.

«Двенадцать ошибок. Из них пять орфографических», – автоматически про себя отметил он.

– Ой, даже не знаю. Возле нее всегда крутилось много молодых людей, – легкий румянец выступил на щеках женщины.

«Правильно, какой тут синтаксис и орфография».

– И все обеспеченные и состоятельные?

– Не знаю... но я всегда говорила дочери, чтобы она имело дело только с приличными людьми.

«Очевидно, у Марь Ивановны приличный человек ассоциируется только с состоятельным человеком».

Кузьма Кузьмич задумчиво посмотрел на убегающий вдаль проспект Пушкина, по которой мчался плотный утренний поток машин, иногда стреноживаемый светофорами, густо утыканными по проспекту.

– Мария Ивановна, а Вы не могли бы узнать, имена и фамилии молодых людей, которые бывали у Вашей дочери.

– Могу, – мгновенно, не колеблясь, заявила Марья Ивановна и, поймав на себе удивленный взгляд профессора, пояснила, – знаете эту современную молодежь, одни глупости на уме.

А дочь у меня одна, вот и приходится присматривать. Поэтому фамилии всех молодых людей, которые бывали у Наташеньки, я записывала.

– Замечательно. И где этот список самых завидных женихов города?

– Вот, – из маленькой красной сумочки был тут извлечен другой листок бумаги.

«Она носила его в полицию, – догадался Канарейкин.

«1. Саша Переверзов. 5/3. С. пр. Гинеколог. БМВ Х6, 2007 г.в.», – было написано на первой строчке.

– Гм, а что это за пять дробь три и С.пр.?

– Родители живут в пятикомнатной квартире, он сам в трехкомнатной. Отец – средний предприниматель, мать – гинеколог. Имеет машину БМВ Х6, прошлого года выпуска.

«Да, Марь Ивановне только в разведке или в налоговой работать. А вот сколько парням лет, как я понимаю, для современных матерей не столь существенный вопрос».

– Понятно.

«2. Олег Литвин. 4/2 С.пр. Домохозяйка. Ситроен С2, 2008 г. в.

3. Дима Шилин, 4/3 Нач. отд. нал. Преп. универ. Ауди А3 2008 г.в.

4. Олег Ревякин, ч.д. 250/3 К. пр. Домохозяйка. Ауди ТТ, 2007 г.в.»

– Я та понимаю, что родители Олега Ревякина живут в частном доме, площадью 250 квадратных метров и отец его крупный предприниматель?

– Да, – женщина чуть зарделась и опустила глаза.

«5. Олег Чиргин, ч.д. 350. К.пр., Мерс W251 500 Long, 2006г.в. Ауди А3 Спорт. 2008 г.в.»

А почему нет сведений о родителях? – Кузьма Кузьмич ткнул пальцем в фамилию Чиргина.

– Это вполне самостоятельный мужчина.

«Еще бы, кататься на отдых на самом роскошном минивэне стоимостью за сто пятьдесят тысяч долларов. А на спортивном хетчбэке, как я понимаю, он по городу мотается».

«6. Сергей Степкин. 5/3 С. пр. С.пр. Опель Вектра, 2006 г.в.»

– Да, а в Греции сейчас хорошо, – проговорил задумчиво Кузьма Кузьмич, возвращая женщине лист бумаги. – Марь Ивановна, а с кем бы Вы хотели, чтобы сейчас была Ваша дочь?

– Я хотела бы, чтобы она была со мной! – громко крикнула безутешная мать. Слишком громко, чтобы было это правдой.

– А у Вас номеров мобильных телефонов этих молодых людей случайно не имеется? У Наташи наверняка же они были записаны в телефоне?

Лицо женщины стало под стать цвету ее сумочки, из которой она вытащила третий лист бумаги.

Смотря на него, профессор Канарейкин набрал на своем телефоне комбинацию цифр.

– Так кого вы предпочитаете для своей дочери?

– Если честно, то мне по душе больше Олежик Чиргин.

«А у нее губа не дура», – профессор скользнул глазами по чувственным губам Марь Ивановны в ярко-красной помаде. – Эх, придется мне все же ставить натяжной потолок», – Кузьма Кузьмич нажал кнопку соединения.

– Олег? С Вами разговаривает профессор Канарейкин. Позовите, пожалуйста, к телефону Наташу. С ней мать хочет поговорить.

Вопрос. К кому позвонил профессор Канарейкин и как он догадался, что Наташа находится с этим человеком?

Ответ читайте на последней странице книги

Звездам вопреки

– Помогите-е-е! Кузьма Кузьмич, миленький, помогите-е-е, у-у-у! – плачущая, заламывающая руки женщина вновь с легкостью взяла верхнее "До".

"Ну вот, сбываются предсказания гороскопа: "Сегодня для Тельцов будет трудный день. Некоторые друзья или коллеги по работе попросят Вашей помощи...", – профессор Канарейкин, пытаясь скрыть раздражение, смотрел на полную женщину в каком-то серо-синем платье, преградившую ему путь к его кабинету.

Кузьма Кузьмич был раздражен не из-за этого внезапно возникшего препятствия, а потому, что своим этим басовитым "у-у-у", это препятствие спугнуло замечательную мысль, проникшую ему в голову сегодняшним утором. Что-то связанное лямда-бетта-минус-гипероном, который упрямо не желал распадаться так, как предписывали ему его уравнения.

Чтобы отвлечься от раздраженного настроения, директор института физических проблем принялся за анализ возникшего серо-синего препятствия.

"Олимпиада Ивановна, безусловно, вправе считаться моей коллегой по работе. Я директор института, в котором Олимпиада Ивановна вот уже который год бессменно работает уборщицей. Вот и не верь всякой ерунде, которую печатают в газете", – Канарейкин вздохнул.

"...Будьте бдительны. Очень велика вероятность того, что Вы вяжетесь в несвойственные для Вас проблемы, которые Вы не будете знать, как решить. Поэтому лучше всего Тельцам тактично отказаться от решения чужих проблем", – память мстительно продолжала выдавать "на гора" прочитанный накануне текст.

Профессор вздохнул еще раз.

– Кузьма Кузьмич, миленький, помогите-е-е, у-у-у! – Олимпиада Ивановна упрямо продиралась сквозь звездный запрет.

– Что у Вас?

"Эх, и получу я от звезд по шапке".

– Сына в тюрьму хотят посадить! У-у-у! – слезы оросили еще влажный от уборки пол.

Канарейкин боковым зрением перехватил удивленные взгляды своих сотрудников, подтягивающихся на свои рабочие места, чтобы продолжить беспощадный бой с перерывом на обед с головоломками микромира.

– Так, пройдемте ко мне в кабинет, и Вы все мне там расскажите", – Кузьма Кузьмич почти силой увлек полную женщину за полированную дверь со скромной табличкой: "Директор".

– Я занят! – крикнул он своей удивленной секретарше, проталкивая Олимпиаду Ивановну дальше, в свой кабинет.

Наконец-то родные стены, которые, как известно, помогают, в том числе и против вредных звезд.

– Рассказывайте!

За пятнадцать минут, несколько раз прерываясь на непродолжительное слезоотделение, Олимпиада Ивановна поведала Кузьме Кузьмичу свою беду.

Вчера поздно вечером ее любимый и единственный сын Васечка на своем выдавшем виде "Опель-Караван" возвращался домой из аэропорта, куда он подвозил одного клиента. Уже на окраине города, неподалеку от поста ГАИ его обогнала "большая черная машина", которая почти сразу же и остановилась. Когда ее Васечка проезжал мимо нее, он увидел, что высочившие из этой машины двое мужчин, что-то рассматривают на асфальте. Присмотревшись, он увидел, что под колесами той "большой черной машины" лежит человек. Он инстинктивно затормозил. Неожиданно к нему подбежали эти мужчины, вытащили из машины и стали избивать, крича, что из-за него они сбили человека. Тут же подбежали еще какие-то люди (оказалось, что рядом была остановка) и стали помогать мужчинам из той машины. Потом подъехала

ГАИ, составила протоколы и забрала ее Васечку с собой. Сейчас он находится в следственном изоляторе.

- А почему те мужчины стали обвинять Вашего сына?
- Они кричали, что он умышленно их ослепил своими фарами.
- Умышленно? А почему умышленно?
- Не знаю-ю-ю...
- А на какой машине ехали те мужчины?
- Не знаю-ю-ю...

"Эх, Вася, Вася... И советовали же мне звезды не лезть в это дело", – Кузьма Кузьмич, уже в который раз за этот день вздохнул и взял в руки свой мобильный телефон.

Он позвонил отцу одного из своих студентов, который с завидной регулярностью периодически приходил к нему на пересдачу, словно комета Галлея, посещающая Солнечную систему. Только период обращения студента был значительно короче – семестр, от сессии до сессии. У этого студента отец работал в ГАИ, но, очевидно, полосатый жезл родителя не имел для отпрыска такой магической силы, как для автомобиля, тот упорно не желал двигаться в нужном направлении. В конце концов, вожаемое "удовлетворительно" появлялось в зачетке студента. А профессор Канарейкин никогда не имел проблем с техосмотром и всем прочим, связанным с ГАИ.

Через полчаса Кузьма Кузьмич узнал о происшествии все подробности.

Свой "Опель-Караван" Васечка самостоятельно оборудовал мощными биксеноновыми фарами, да еще одну пару биксенонок он укрепил на бампере (что бы круто смотрелось, как он объяснил). Как показал он на допросе, после обгона его этой злополучной черной Toyota Avensis, он включил дальний свет, так как знал, что подъезжает к остановке, на которой часто находятся люди. А шел до этого на ближнем потому, что часто навстречу шли машины и он не хотел их слепить.

- Жив хоть этот прохожий?
- Да жив. С сотрясением мозга в третьей больнице лежит.
- Сам виноват. По сторонам надо смотреть, – рубанул Кузьма Кузьмич.
- Там обозначен пешеходный переход. Он был на нем, – возразил гаишник.
- Значит "Тойота" виновата.
- Не знаю... У нее за рулем сын директора центрального рынка сидел. Суд может посчитать, что этот Вася на "Опеле" умышленно его ослепил за то, что якобы "Тойота" его подрезала. Сын директора рынка признался в этом грехе.
- А, ясно. А скорость "Тойоты" какая была?
- Шестьдесят километров в час. По тормозному пути определили.
- Не подкупаешься.
- Не подкупаешься, – согласился отец нерадивого студента.
- Так сколько биксенонок он установил на своем "Опеле"?
- Четыре.
- Понятно, – Канарейкин задумался. – А сколько девушек в салоне сидело?
- А как Вы догадались?! – удивленно воскликнул сотрудник правоохранительных органов.
- Ну а как еще объяснить, почему водитель не заметил переходящего дорогу человека? Развлекался с прекрасным полом. Так сколько было девушек?
- Две.
- По одной на брата, – констатировал доктор физико-математических наук.
- Причем тут девушки? – гаишник пришел в себя. – Он не заметил, потому что его ослепили! Четырьмя биксенонками!

– Четырьмя женскими глазами его ослепили! – и, посмотрев на притихшую во время разговора женщину, обращаясь к ней, сказал, – не волнуйтесь Олимпиада Ивановна. Можно легко доказать, что Ваш сын абсолютно не виновен. Абсолютно. У меня есть знакомый адвокат, я его попрошу помочь и растолкую, что нужно говорить следователю.

"Ну вот, а звезды говорили, что я не буду знать, как решить несвойственные мне проблемы", – довольный собой Канарейкин смотрел на удаляющуюся из его кабинета дородную Олимпиаду Ивановну. – Я же говорил, что все это ерунда. Врут звезды!"

Вопрос:

Почему профессор Канарейкин решил, что Васечка АБСОЛЮТНО не виновен?

Ответ читайте на последней странице книги

Пузырьковая камера, Пушкин и любовь

– Итак, господа. Даю под диктовку, – профессор Кузьма Кузьмич Канарейкин еще раз окинул аудиторию – разношерстно, не обязательно модно одетые господа студенты первого курса физического факультета склонились над конспектами. – Пузырьковая камера – трековый детектор элементарных заряженных частиц, в котором след частицы образует цепочка пузырьков пара вдоль траектории её движения. Изобретена Глэзером в тысяча девятьсот пятьдесят втором году. Принцип действия пузырьковой камеры напоминает принцип действия камеры Вильсона, которую мы рассмотрели на прошлой лекции. Только, если вы помните, в последней используется свойство перенасыщенного пара конденсироваться в мельчайшие капельки вдоль траектории заряженных частиц, то в пузырьковой камере используется свойство чистой перегретой жидкости вскипать вдоль пути пролёта заряженной частицы.

«В обществе, как в микромире. На миллиарды атомов жидкости приходится одно-два удачных столкновений, представляющих интерес. Остальные столкновения давно известны и я бы сказал, банальны. Среди людей точно так же. На одну-две интересные личности приходится миллионы обычных заурядностей», – Кузьма Кузьмич еще раз окинул взглядом густые и не очень шевелюры своих студентов.

– Вскипание такой жидкости происходит при появлении центров парообразования, например, ионов. Таким образом, если в камере Вильсона заряженная частица инициирует на своём пути превращение пара в жидкость, то в пузырьковой камере, наоборот, заряженная частица вызывает превращение жидкости в пар.

За дверью аудитории раздался громкий стук, и она тут же широко распахнулась – на пороге возник парень, одетый в модные синие узкие джинсы и белоснежную рубаху с широким воротником. Светлые волосы лежали на голове небрежными прядями, уложенные не меньше, чем за пятьдесят долларов в самом модном салоне города. Профессор узнал в парне своего студента – сына декана физического факультета, не баловавшего преподавателей своим присутствием на лекциях.

– Разрешите, Кузьма Кузьмич?

– Садитесь, Еропкин. Раз уж пришли. Когда я Вас еще увижу!

А аудитории раздался смех.

Сын декана не спеша стал подниматься вверх, на самую галерку.

– Перегретое состояние жидкости достигается быстрым, порядка за пять – десять миллисекунд уменьшением внешнего давления. На несколько миллисекунд камера становится чувствительной и способна зарегистрировать заряженную частицу.

«Да, этот парень явно не крупинка золота для науки, – глядя вслед модно одетому студенту, подумал Канарейкин. – Для девушек, да, – до профессора доходили слухи о многочис-

ленных победах сына декана на любовном фронте. – Тут у кого как. У одних сила идет в голову, у других в корень. И еще неизвестно, что лучше».

– После фотографирования треков давление поднимается до прежней величины, пузырьки “схлопываются” и камера вновь готова к работе. Цикл работы большой пузырьковой камеры примерно одна секунда, то есть значительно меньше, чем у камеры Вильсона, что позволяет использовать её в экспериментах на импульсных ускорителях... – лекция неторопливо катилась к своему окончанию.

Будущие научные светила, имеющую, как любил говорить профессор Канарейкин, искру Божию, основательно разбавленные теми, у кого этой искры не было, а наоборот, были проблемы с зажиганием, вникали в премудрости охоты за частицами, для которых любая пылинка была все равно, что земной шар для человека.

Прозвенел долгожданный, в том числе и для профессора звонок.

– Что ж, господа, на следующей лекции мы продолжим знакомиться с приборами для исследований свойств микромира.

Молодая аудитория радостно плеснулась за двери, чтобы в перерыве между лекциями успеть поизучать человеческий макромир, благо все «приборы» для этого у них были с собой и владели ими молодые люди отменно.

– Кузьма Кузьмич, можно с Вами поговорить? – перед изумленным Канарейкиным стоял Еропкин.

«Неужели хочет разобраться в принципе работы пузырьковой камеры»? – мелькнула невероятная, сумасшедшая мысль, сродни той, что заставила Архимеда с криком: «Эврика!» в чем мать родила, выскочить из ванны, пугая старых рабынь.

– Да, да, конечно, Еропкин. Что Вам непонятно в моей лекции?

– Речь идет не о физике.

«Да, чудес на свете не бывает», – профессор Канарейкин в который раз убедился в фундаментальности этого постулата.

– Тогда о чем же Вы хотели со мной поговорить?

– Об автомобилях. Меня обвиняют в том, что я сбил человека.

– Кгм... извините, а я чем могу помочь?

– Все знают, что Вы прекрасно разбираетесь в автомобилях и уже не раз помогали людям... ммм... в затруднительных положениях, связанных с автомобилями.

«Да, народ упорно пытается водрузить мне на голову лавры Форда, а мне хотелось бы Эйнштейна. Обидно».

– Ладно. Давайте говорите, что там у Вас.

– Я несколько месяцев встречался с одной девушкой. Да Вы ее знаете, Таня Тихомирова из параллельной группы.

Профессор вспомнил высокую красивую девушку с истинно русским лицом и с истинно русской длинной черной косой, которую она носила, перекинув через плечо.

– Так, ничего серьезного. На недельку в Египет слетали и все. Потом я понял, что мы с Таней слишком разные и решил расстаться. И об этом все ей честно сказал.

«Благородный рыцарь – все честно девушки сказал, правда, перед этим покувыркался с ней в Египте, очевидно, проверял прочность чувств на фоне древних пирамид. Подлец!»

– Кузьма Кузьмич вновь вспомнил девушку с длинной черной косой.

– А три дня назад меня вызвали к следователю и обвинили в том, что я сбил Таню и скрылся с места преступления.

– Насмерть?!

– Нет, нет, Кузьма Кузьмич. У девушки только перелом ноги.

– Только!

– Но это не я, профессор!

- А почему следователь Вас обвиняет?
- Потому, что ему сказала Таня, что это я ее сбил...
- Так, ну и чем я могу Вам помочь?
- Доказать следователю, что это не я!
- Кроме показаний девушки, что еще имеется у следователя?
- Показания еще одного парня, который видел, как я сбивал Таню.
- Когда это произошло?
- Четыре дня назад. В одиннадцать вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.